

Вступительное слово

Роман Марии Омар — очень личная книга. Не потому, что Мария рассказывает об истории нескольких поколений своей семьи, а потому, что, читая её, невольно погружаешься в своё прошлое. Как при чтении книг Ханса Фаллады или Джеральда Даррелла, в героях романа начинают вдруг узнаваться друзья и родственники, рассказанные истории пробуждают детские полузабытые воспоминания и над забавными происшествиями из книги смеёшься так, будто они услышаны за столом в кругу твоей собственной семьи.

Мария повествует о людях — об их отношениях, о радостях и горестях, об испытаниях, выпавших на их долю. Эти люди рождаются, влюбляются, ссорятся, работают, умирают. А за судьбами этих людей мы видим, как меняется время, как одна эпоха сменяет другую. И удивительным образом в какой-то момент приходит понимание, что смена эпох, политических режимов, валюты и прочие глобальные, казалось бы, изменения — это мелочи. Для человека куда важнее и значимее потеря коровы, письмо от ушедшего в армию сына, свадьба дочери, рождение внуки...

Такие книги, на мой взгляд, позволяют вспомнить (а кому-то и увидеть), что вокруг нас такие же люди, как и мы сами. Люди, за которыми стоит их долгий, уходящий в бесконечность род. И очень возможно, что там, в прошлом, наши прадедушки и прабабушки, дедушки и бабушки, отцы и матери вместе работали, воевали, помогали друг другу выживать в тяжёлые времена, плакали и смеялись по одним и тем же поводам. А значит, и мы не чужие друг другу.

Замечательная семейная сага, которую стоит прочитать.

*Илья Одегов, писатель,
создатель литературной школы «Литпрактикум»,
лауреат нескольких литературных премий*

Часть I
Акбалжан

Глава 1

Одна

В конце лета 1914 года, когда степь выгорела и стала колкой, в ауле Кос-Иstek¹ в семье Ишинияза-агая и Акжанай-апай родилась дочь. Назвали её Акбалжан, что в переводе с казахского означает «душа светлая, как мёд».

Её братья и сёстры не доживали до сорока дней, когда младенцам состригают первые волосы и поливают водой из серебряной посуды. В семьях, где дети часто умирали, что только не придумывали, чтобы удержать их на этом свете, — отдавали на воспитание родственникам, нарекали русскими или странными именами, обрубали пуповину топором. Мать, нося ребёнка под сердцем, пообещала себе: если сможет его сохранить, будет молиться с утра до ночи.

Эта женщина бледнела, шепча защитные слова всякий раз, когда кто-то восхищался красотой её дочери. Вплетала в косы Акбалжан монеты, чтобы звоном отпугивать коварных джиннов и уберечь от дурного глаза. Умывала солёной водой и жгла сухой адыраспан². Давала вдыхать убаюкивающий аромат священной травы. Растирала обгоревшие ветки в ладонях и пальцем дотрагивалась до лба и щёк дочери, оставляя едва заметные следы сажи.

Когда Акбалжан исполнилось семь, умер её отец, немолодой мужчина в белой чалме. Что с ним случилось, Акбалжан не знала. Мать плакала беззвучно, родственники молча склоняли головы и выходили. С потерей хозяина дом покинули не только громкие звуки и смех. Больше никто не угощал Акбалжан сладким курт³, не улыбался, не просил спеть

¹ Кос-Иstek (каз. Кос-Естек) — село в Актюбинской области Казахстана.

² Адыраспан (гармала обыкновенная, степная рута) — травянистое растение, в высушенном виде используется у азиатских народов для окуливания помещений, изгнания злых духов.

³ Курт (каз. құрт) — сухой кисломолочный продукт в виде твёрдых комочков округлой или удлинённой формы, обычно кисло-солёный на вкус, изредка сладкий.

песню. Только мать по-прежнему гладила её по волосам и рассказывала на ночь сказки.

Акбалжан было шестнадцать, когда мать заболела. Она тряслась в ознобе, не переставая молиться, чтобы не угас их род. В один из холодных февральских вечеров матери стало легче. Она попросила Акбалжан причесать её, умыть. Проплептала слова благословения. Под утро застонала, схватила дочь за руку, протяжно выдохнула и предстала перед Все-вышним.

Сидя у остывающего тела, Акбалжан прижимала к груди материнский платок. Пришла пожилая соседка. Помогла подняться, отвела подальше. Нагрела воду на печи и приступила к омовению.

В доме собирались люди. Акбалжан открывала рот, но не могла произнести ни слова из поминальной песни *жоқтау*. Всё вокруг колыхалось в белой дымке. Дымка окутывала и убаюкивала. Как обрывки снов, мелькали картинки. Вот уведят молодого соседа, и женщина рыдает вслед, опустившись на землю, её платок спадает с чёрных волос. Мать неслышно молится. Серый от пыли мальчишка обглаживает кости, лежащие на дороге. Мать обрывает листья полыни, заливает кипятком, и они с Акбалжан пьют горький настой.

Картинки царапали душу, но тут же прятались, стоило Акбалжан всмотреться в них. Сосало под ложечкой и хотелось подержать во рту кусочек хлеба, смакуя до сладости.

Почувствовав резкий запах гвоздики и услышав потрескивание — семена прокаливали на огне для прощального обряда, — Акбалжан будто очнулась. Увидела, как мать оборачивают в белый саван. Захотелось ещё раз взять её за тонкую руку, но тело уже укрыли под складками ткани.

После скорых похорон родня решила отдать красавицу-сироту замуж за сына Омирбая-агая из соседнего аула. С ним ей хотя бы не грозил голод.

Глава 2

Чужаки

Семья, в которую попала Акбалжан, жила в саманном домике на краю аула. Омирбай, сухой, высокий старик, двигался быстро для своего возраста. Когда он шёл навстречу, люди невольно сторонились, уступая дорогу. Жена Омирбая, Газиза, юркая и словоохотливая, наперёд догадывалась, когда подать что-то мужу или отойти. Их младшая дочь Айша была белокожей и шустрой — в мать. Сын Жангир — крупный, скуластый, неловкий в движениях и разговорах.

Семейная жизнь для него началась по воле родителей. Пусть сноха — сирота, зато шустрая, работающая, рассудили они. С такой не пропадёшь, может, отучит сына от дурных привычек.

Акбалжан ещё не отошла от голода, как забеременела. Первенец родился слабым, прожил неделю и умер. У неё и молоко не успело прийти. И глаза остались сухими. Только стала добавлять имя ребёнка в молитвы, когда поминала отца и мать.

Следующую беременность ждала долго. Старики не попрекали — кругом каждый день умирали от голода и болезней. Дочери-подростку Омирбай запретил выходить из дома одной. Круглощёкая Айша выделялась среди истощённых детей. Вон у родственников девочка пошла за водой и пропала.

Зато в семье соседа Сергазы достатка не скрывали. В годы, когда аул стонал и проклинал новую власть, в их сарае становилось всё теснее.

— Добрые мы люди, вот к нам добро и идёт, — приговаривал Сергазы, приглаживая бороду. — Скот плодится, три овцы по двойне принесли.

Омирбай вглядывался ему в глаза. Сын Сергазы, Аман, стал коммунистом и каким-то начальником. Приезжал из райцентра с красноармейцами проверять баев. Смешно

сказать — баев! От бывшего богатства после бесконечных погромов у людей ничего не осталось. Сергазы подсказывал Омирбаю, когда нагрянут с проверкой. Тот прятал скот и отплачивал соседу баранами.

В этот день Сергазы предупредил его поздно.

— Жангир! — закричал Омирбай сыну. — Отгони скот в овраг. Да быстрее! Одного барана оставь. Если совсем ничего будет взять, обозлятся, *бейшаралар*¹.

Он забежал в дом, огляделся. Бóльшая часть украшений жены и монеты давно закопаны в степи.

— Где девочки? — крикнул Газизе.

— Пошли собирать вишню на холме, — ахнула она и осеклась, зажав рот ладонью.

— Я же сказал, из дома не выходить! — Омирбай хлестнул плёткой по сапогу.

Он торопливо залез на крышу и увидел Акбалжан и Айшу, подбегающих к дому. Жангир успел скрыться в балке. С другой стороны пылили кони — приближались красные.

Прижавшись к крыше, Омирбай смотрел, как пришлые обходят дворы и сгоняют скот в середину аула. Блеяли бараны, кричали женщины, плакали дети.

Трое вооружённых мужчин в форме повернули к его дому. Омирбай слез с крыши и сел у порога, сжимая камчу. Выглянула жена, зашептала горячо:

— Я девочек золой намазала, скажи, что болеют. В соседнем ауле дочку муллы, красавицу, забрали. Спрячь камчу, не надо их злить!

Омирбай сверкнул глазами, Газиза скрылась. Он бросил камчу за юрту.

Первым шёл сын Сергазы, кудрявый Аман. За ним — двое русоволосых солдат. Аман едва заметно кивнул Омирбаю и указал солдатам на сарай. Сам повернул к дому. Хозяин

¹ Нищерброды (каз.).

преградил ему путь. Аман угрожающе глянул на него и положил ладонь на ружье.

— Дочки болеют. Не заходи, — хрипло проговорил Омирбай.

Аман отодвинул его и вошёл. Омирбай шагнул следом.

Газиза начала всхлипывать.

— Что с ними? — Аман кивнул на закутанных в лохмотья девушек, лежащих на полу у печки.

— Язвы на коже. Плохая болезнь, заразная!

Аман приоткрыл ткань с лица Айши и встретился с отчаянным взглядом тёмных глаз.

— Не похоже, что больна, — усмехнулся он.

Газиза упала ему в ноги.

— Сынок, ты же сосед наш.

— Ладно, апай, встаньте, — поморщился он и вышел.

Солдаты потащили барана к месту, где собирали скот. Аман подождал, пока они отошли, и повернулся к Омирбаю.

— Подрастёт ваша дочка — женюсь. Корову оставьте, а коня завтра отцу отведёшь. Слишком опасно сейчас лошадей держать.

— Спасибо, сынок, — закивала Газиза, прикрывая собой Омирбая, в глазах которого полыхнул огонь.

Несколько лет назад Аман сватался к их старшей дочери. Тогда Омирбай был ещё в силе и отказал, выдав её за достойного человека.

Аул стих только к вечеру. Омирбай долго сидел на пне у дома. Жангир пригнал скот. Газиза несколько раз позвала есть. Омирбай, постукивая по колену рукояткой камчи, не отрываясь смотрел на свои стоптанные сапоги. Только когда дочь тронула его за плечо, вздрогнул, повернул голову, отвёл взгляд, сжал её руку и поднялся.

Глава 3

Напутствие

Вечерами в доме Сергазы собирались мужчины — поиграть да выпить. Не всякий мог сюда попасть, только те, кому было что проигрывать. Сергазы стал большим человеком в ауле. Это раньше его никто не уважал, а теперь с ним пил сорпу¹ сам председатель.

Жангир захаживал к соседям давно. Проиграв припрятанные монеты, выкопал и стал таскать украшения матери.

— Позоришь нашу семью! — кричал отец. — Поддался красной заразе! Предки переворачиваются в могиле от такого бесстыдства! Ладно у Сергазы в роду одни конокрады, а у нас люди уважаемые!

Пытался Омирбай воззвать и к совести мордастого Сергазы. После разговора с ним махнул на всё рукой. Когда видел сына пьяным, за дастархан² с ним садиться отказывался. Хлопая дверью, выходил на улицу.

Газиза боялась, что, лишившись отцовского благословения, Жангир совсем погубит себя. От постоянных переживаний начала болеть, слегла. Слабым голосом молила Омирбая, чтобы отдал Айшу замуж за Амана, если тот посватается.

— Это ведь соседи спасли нас от голодной смерти! Мы не вечны, а на Жангира надежды нет... Кому оставим нашу Айшу? А муж жену всегда защитит.

Айша при таких разговорах краснела и хваталась за шитьё. Омирбай кривил рот. Говорил, что не хочет видеть зятем сына богача с чёрным казаном³. Но перед смертью Газиза всё же добилаь от него обещания. Как только Айше исполнилось семнадцать лет, Аман сосватал её и увёз в райцентр.

¹ Суп, бульон (каз.).

² В Средней Азии, а также у некоторых других народов Востока: скатерть, используемая во время трапез; низкий сервированный стол.

³ Казахское выражение *қара қазан бай* означает «быстро и не всегда праведным путём разбогатевшего человека». Аналог идиомы «из грязи в князи».

Газиза не дождалась ни детей Айши, ни дочь Жангира — Райсу. Большеглазая смуглая девочка, явившись на свет, закричала сразу, пронзительно. У груди притихла — молока у Акбалжан теперь хватало.

Омирбай довольно цокал языком, когда внучка впервые схватила его за палец, начала лопотать, пошла, опираясь руками о стенку. Акбалжан перестала его бояться, вечерами они вдвоём долго пили чай и разговаривали.

Встречая мужа с работы, Акбалжан накрывала дастархан на полу. Пухленькая Райса лезла на руки к отцу. Если дочь плакала, Жангир, морщась, отдавал её жене. Когда малышка спала, нюхал мягкое ушко и поспешно отходил, будто устыдившись нечаянной нежности.

Омирбай умер через год после Газизы. За день до того, как схватиться за сердце и упасть на пороге родного дома, он подошёл к Акбалжан. Та, уложив дочку, штопала мужнины штаны. Свёкор протянул ей тяжёлую серебряную монету с дырочкой.

— Когда-нибудь повесишь себе на косы. Прости, дочка, это всё, что могу дать.

— Рақмет! — Поблагодарив, Акбалжан взяла монетку, провела по ней пальцем — гладкая, со слегка поплывшим рисунком, видно, плавил, чтобы продырявить.

— Ты не получила, чего заслуживаешь, — вздохнул Омирбай. — Раньше ходила бы в золоте и серебре, как моя Газиза в молодости. Видит Аллах, не был я скупым, не обижал её сильно, но и хорошего что она видела? — Он отёр лоб ладонью. Хотя в доме было прохладно, вспотел. — Рожала детей и переживала всё время. Я хотел сына, а у нас дочки да дочки. Когда Жангир родился, я на весь аул пальбу устроил от радости.

Акбалжан улыбнулась.

— Раньше я ничего не боялся! А в первый раз знаешь, когда страх почувал? — Омирбай замолчал и начал что-то разглядывать в окне. Акбалжан обернулась — во дворе стояла развалившаяся печь с зияющей дырой сверху. — Когда младшая

родилась, Айша. Мы думали, Жангир последним будет, родили его поздно. А тут она. Не успели нарадоваться, началось — голод, набег. Ай, Аллах, сколько людей ни за что погибло! Даже казан с печи, и тот унесли, паскуды. Вот тогда я начал бояться — за дочку, за жену, а потом и за тебя.

Омирбай хотел ещё что-то сказать, но тут закричал ребёнок. Старик подошёл к колыбели, покачал, пока внучка не затихла. Потом молча вышел. Акбалжан отложила шитьё, спрятала монету во внутренний карман кажекея¹ и пошла готовить.

Глава 4

Без кормилицы

В 1939 году Акбалжан родила сына Куантая.

Красноармейцы в аул давно не приезжали. Забирать у аульчан было нечего. Корову теперь держали прямо в доме. Это к сараю Сергазы близко никто не подходил, а у них за просто увели бы. За работу Жангир почти ничего не получал, осенью выдавали немного проросшего гнилого зерна и трухлявой соломы.

— Как подачку, чтобы не подошли, — бормотал он.

Акбалжан, раскапывая снег, искала для коровы пожухшие стебли. Иногда и Жангиру удавалось утащить казённого сена. Весной наконец появилась трава и молока у коровы прибавилось.

По утрам и вечерам Акбалжан усаживалась за дойку. Из кувшина подмывала розовое вымя с белёсым пушком. Подоив, обнимала тощую кормилицу, та в ответ по-человечески вздыхала.

¹ Национальный казахский лёгкий жилет (камзол) с широким вырезом и без рукавов.

Акбалжан наливала парное молоко Райсе и смотрела, как она пьёт: с аппетитом, причмокивая. Вытирала ротик дочери. Делала маленькие глотки сама. Остаток молока кипятила на огне.

После смерти отца Жангир стал ходить к соседям чаще. Играл в долг. Возвращался за полночь. Если выигрывал, утром на угрюмом лице мелькало подобие улыбки, в глазах плясали дикие огоньки. Он брал Райсу на руки, подбрасывал. Проигравшись, тяжело дышал, стучал кулаком по столу. Акбалжан отводила детей и помалкивала. Он хозяин. Еда есть — и ладно.

В первые годы замужества переживала: чем не угодила, что Жангир не торопится домой? Свекровь поучала:

— Как пришёл муж, беги встречай, снимай сапоги да подноси молоко. Улыбайся, не надо показывать недовольство. Покажи, что он главный, и мужчина сделает всё что захочешь.

Акбалжан смотрела, как Жангир, кряхтя, снимает обувь. Молча подавала воду. Потом и вовсе стала ложиться спать, не дожидаясь его. Без мужа дышалось свободнее. Никто не ходил с мрачным взглядом, можно было петь во весь голос, смеяться, рассказывать детям сказки. При нём язык застывал. Один раз распелась, заметила, что он слушает, поперхнулась и замолчала. И дети при отце утихали.

В тот вечер она, как обычно, сидела на застеленных нарах сәкі. Райса примостилась рядом, уцепившись пальчиками за руку матери. На вытянутые ноги Акбалжан уложила подушку в рост Куантая, сверху — сына. Гладила его пяточки, качала и негромко пела. Звуки выходили лёгкие и чистые, а думы внутри тяжелели размокшей шерстью, которую хочется отжать, высушить и очистить от колючек. Интересно, все так живут? Как чужие. Мать столько легенд о влюблённых рассказывала. Неужели это выдумка?

Незаметно для себя задремала, а разбудил её звук шагов. Вспыхнул свет керосиновой лампы. Акбалжан переложила

сына в колыбель и, прищурившись, наблюдала за мужем. Не сняв сапог, он зачерпнул ковшом воду из ведра и стал пить, часто дыша между глотками. Быстро подошёл к лежащей корове, отвязал верёвку. Грубо хлопнул ладонью по ребристому боку:

— Вставай!

Корова тяжело поднялась.

— Выходи, — толкнул её Жангир.

— Куда ты её? — вскочила Акбалжан.

— Не твоё дело, спи!

Снова проиграл в карты! Грудь обожгло. Только не корову!

— Не дам! — Акбалжан бросилась к мужу.

Куантай заплакал. Подбежала Райса, ухватила за материнский подол. Акбалжан вцепилась в Жангира, но куда ей было с ним совладать. Он отшвырнул их, как кутят.

— О детях подумай! Что есть будут? — пыталась вразумить его Акбалжан.

— Молчи, женщина! Надо будет, и тебя отдам.

Он пнул корову и увёл её.

Акбалжан лежала на полу, подогнув под себя ноги. Руки тряслись, тело ослабело, словно из него вынули кости. Рядом всхлипывала Райса. Сынишка надрылся в колыбели.

— *Жат, қызым*¹, — мать уложила Райсу и стала безучастно качать люльку с Куантаем.

Когда дети уснули, вышла на улицу. Долго глядела на звёздный ковш, что спустился совсем низко. Вдали замывала корова. Акбалжан дёрнулась было в ту сторону. Остановилась. Держась за косяк, медленно вошла в дом.

Умывшись, потрогала лицо. Легла. Знакомая дымка окутала её. Тонкими линиями затрепетал неясный образ в белой чалме. Она почувствовала отцовский взгляд.

Выдохнула. Села, обхватила колени. Когда за окном, затянутым бычьим пузырьём, посветлело, поднялась и легонько

¹ Ложись, дочка (*каз.*).

тронула дочь. Райса во сне хмурила бровки. Вдруг резко встала, с немим вопросом посмотрела на мать. Та помогла дочке одеться, завернула сына в выцветший пуховый платок, и они торопливо вышли.

Глава 5

Проигравший

В ту ночь Жангир уснул у соседей. Утром его растолкали, и он понуро побрёл расчищать колхозную скотную базу. Ни с кем не разговаривал, только хмурился и отскребал навоз. Иногда ударял лопатой о землю.

Закончив работу, пошёл в дом к председателю. Сквозь деревянные кольца увидел мужчин, торопливо разделяющих мясо во дворе. Рванул калитку.

Заметив вчерашнего соперника по игре, толстозадый Аблай, сын председателя, схватил окровавленный нож. Крикнул:

— Зачем пришёл?

Председатель, худощавый старик, забежал в дом.

— Я за своим, — глухо сказал Жангир.

— Твоего тут ничего нет, — недобро прищурился Аблай, а окружавшие его жигиты¹ загоготали.

Жангир шагнул к Аблаю, тот выставил нож. Жангир вцепился ему в запястья. Выкрутил нож, бросил в снег. Схватил за шиворот.

— Хоть половину отдай!

Жигиты переглянулись. Жангир был на голову выше любого из них.

Он размахнулся и ударил кулаком в лицо Аблая. Тот закрылся руками. Вокруг закричали. Кто-то всё же осмелился

¹ Парни, молодцы (каз.).

прыгнуть Жангиру на спину, и тогда остальные накинута на него. Жангир вывернулся, двинул самого резвого так, что тот отлетел и ударился о стену дома.

Когда выскочил с ружьём председатель, Аблай сидел на снегу, вытирая разбитые в кровь губы. Жангир стоял раздувая ноздри.

— Пристрелю, скотина! — крикнул старик.

Все замерли. Жангир прорычал:

— Только попадитесь мне на дороге — убью!

Пока вернулся домой, стемнело. Дёрнул дверь, не заметив, что она заперта снаружи на колышек. Вытащил палку, вошёл внутрь. Огляделся. Ударил кулаком о косяк.

— Никуда не денется, у неё никого нет, походит и придёт! — говорил он приятелям в доме Сергазы. Занюхивал водку рукавом, пропахшим навозом. Никто раньше не видел этого молчуна таким говорливым.

— Моего деда все знали, все! У него лошади табунами паслись. Он такой здоровый был, что съедал барана в один присест. А я кто? Да никто! За красным скотом смотрю! И не дай бог пропажа — посадят. А сегодня последнее потерял...

Когда явились люди в форме, Жангир только мычал. Его повязали и увезли в темноту на телеге.

В ту ночь снилась ему Акбалжан в золотистом платье. В косах у неё звенели серебряные украшения — шолпы, и она смеялась, улета вдаль. А он бежал за ней и не мог догнать.

Глава 6

Дорога в Каратал¹

Дед Оспангали, управляя лошадьё, поглядывал на путников и едва заметно качал головой. Потом не выдержал:

— Ох, дочка, еду и думаю: вот старый глупец! Куда тебя с детишками везу? Оставлю одну в чужом краю. А вдруг кто обидит? И муж твой узнает, спасибо не скажет.

Акбалжан молчала.

— Видел я много, — Оспангали вздохнул. — Другой бы тебя осудил: как это — женщина от мужа ушла? А я думаю, у каждого на лбу доля написана. Никто не угадает, что правильно, а что нет для другого. Ты, видно, хочешь писать судьбу сама. Хватит ли сил? — он внимательно посмотрел на неё.

Акбалжан отвела взгляд, кутаясь в тёплую фуфайку, хотя припекало солнце. Прижала губы к щеке спящего сына.

— Ладно, отвезу тебя в Каратал, — сказал Оспангали. — Там хорошие места, речка рядом, голодными не останетесь. И казахов много.

Акбалжан кивнула.

— Мама, куда мы едем? — потерявила её за руку Райса.

— Приедем — узнаешь!

Проезжая мимо родного Кос-Истека, Акбалжан сложила руки в молитве. Мысленно попросила родителей благословить её. Эх, что же там впереди?

Оспангали ездил в сторону Оренбурга² выменивать шкуры. Рассказывал соседям, что там уже нет такого страшного голода, как здесь. Случайно услышанные слова запали Акбалжан в душу, и в то утро она уговорила старика взять

¹ Посёлок в Кувандыкском районе Оренбургской области. Название переводится как «Чёрная ива» (каз. қара — «чёрная», тал/тала — «ива»).

² Хотя в 1940 году Оренбург официально именовался Чкалов, в народе его продолжали называть Оренбургом, по-казахски Орынбор.

их с собой. Побежала домой, собрала в узелок вещи, взяла воду, немного курта, не смея забрать всю еду.

К вечеру маленький Куантай стал надрывно плакать. У Акбалжан кончилось молоко. Она не ела с утра. Подсолненный курт отдала Райсе. Совала младенцу пустую обмякшую грудь, а он не унимался, покраснел от натуги.

Старик остановился у ручья. Достал из-за пазухи нож, верёвки. Велел собирать сухие ветки и разжигать костёр.

Акбалжан напоила детей из ладони. Набрала кучку ветвей, подожгла. Райса издали наблюдала за Оспангали. Он то припадал к земле, то бежал, то прыгал.

Вскоре старик притащил двух подбитых сусликов. Освежевал. Вытащил закопчённый котелок, бросил туда крошечные тельца. Сварили пахучую сорпу.

После еды Акбалжан почувствовала прилив молока. Куантай припал к груди и наконец засопел. Переночевали в степи. Утром снова отправились в путь.

Солнце вставало, окрашивая небо бледно-розовыми всполохами. Зелень вокруг росла тучная, словно на другой, сытой земле. Проезжали посёлки, крупные, мелкие. В каждом Оспангали останавливался, одни мешки выгружал с телеги, другие приносил.

После полудня поднялись на высокий холм и увидели в низине ряды домов. Сбоку нёс воды Урал. Казахи называли его *Ақ Жайық* — Белая река.

— Вот и Каратал, — произнёс Оспангали.

На просторной поляне бегали дети. Подбрасывали вверх шарики, скатанные из шерсти, и смеялись. Райса приоткрыла рот. Дети в их ауле играли тихо, без шума и радости. Здесь же, казалось, нет ни голода, ни горя.

У дороги переговаривались о чём-то своём сельянки, на вид русская и казашка. Они с любопытством уставились на приезжих.

Телега подъехала к белёному домику с красным флагом на крыше.

— Сельсовет, — сказал Оспангали. — Пойдём.

Акбалжан, держа сына на одной руке, а другой сжимая ладошку дочери, прошептала «Бисмилля»¹ и пошла за ним.

Управляющий, крепкий седой мужчина, энергично потряс вошедшим руки. Акбалжан отпрянула, не привыкшая к такому приветствию.

— Устроится пока у Сычихи, — сказал Дмитрий Михалыч. — А то бабка вечно жалуется, что одна. И языку научит. Сегодня выпишу килограмм зерна. Коров доить умеешь?

— Умеет, умеет! — заверил Оспангали.

— Ну тогда завтра выходи, доярки нужны. На рассвете жду! Работать надо много, — предупредил управляющий.

Акбалжан вопросительно посмотрела на Оспангали. Тот перевёл слова Дмитрия Михалыча.

— Скажи ему, буду много работать! — воскликнула она так громко, что ребёнок на руках заплакал.

Подкатили к землянке. Оспангали вошёл внутрь, переговорил с хозяйкой и позвал:

— Заходите!

Акбалжан осторожно ступила через порог. Её встретила пожилая женщина в ситцевом платке, с руками в боках:

— Боже, какая маленькая! Проходи.

Усадила гостей за стол, сколоченный из досок, принесла зелёные щи. Разлила по чашкам, раздала деревянные ложки. Акбалжан, приняхавшись к незнакомому аромату, сглотнула слюну. Строго глянула на Райсу, которая с жадностью начала есть.

— Да не стесняйся, — произнесла Сычиха. — В еде стыда нет. Кушайте! Мы тоже голодали. Слава богу, сейчас лучше!

Акбалжан догадалась, о чём сказала хозяйка. Хотела в благодарность поклониться, но сдержалась: вдруг здесь так не принято.

Оспангали засобирался:

¹ «Во имя Аллаха» (*араб.*) — одно из значений слова — «начало всего благого и доброго».

— Ну, теперь, дочка, я спокоен. Приеду ещё навестить тебя. Будь счастлива!

— *Рақмет, ата!*¹ — глаза защипало, и Акбалжан наклонилась снять невидимую нитку с платья.

На следующий день она встала рано. Наказав Райсе смотреть за Куантаем, поспешила к конторе.

Глава 7

Сказка о смелой старухе

Работать и вправду приходилось много. После дойки работницы чистили навоз, таскали корм. Ездили на лошадях за глиной. Высыпали её из телеги на землю, делали горку с углублением, как для теста, наливали воду и месили босыми ногами. Добавив к жиже солому, мазали стены скотных баз.

Когда платье и платок становились грязными, Акбалжан стирала их на ночь, сушила, а утром надевала, иногда полусырыми. Приходила домой поздно. За детьми присматривала баба Дуся. Так на самом деле звали Сычиху. Поначалу Куантаю давали коровье молоко, которое приносила соседка, да варёную картошку, завернутую в тряпочку. Потом он быстро выучился есть то же, что и взрослые. Акбалжан не увидела первого шага сына, а однажды удивилась, что он сам грызёт морковку.

Потихоньку она училась говорить по-русски. Баба Дуся показывала, как готовить щи из капусты с травами, отыскивать на полянах дикий щавель, горный лук с лебедой, ягоды. Деревенские мальчишки делились с ними рыбой. Вечером приходили соседки. Щёлкали семечки, сплёвывая шелуху

¹ Спасибо, дедушка! (*Каз.*)

на земляной пол. Перед сном подметали его чилижным¹ венником.

Порой Акбалжан терзали мысли: правильно ли поступила с Жангиром? Успокаивала себя тем, что сделала для него лучше. Женился он, потому что велели родители. Жёну не выбирал, нежности не испытывал, значит, страдать не будет. Да и она не скучала по прежней жизни. А детей сама вырастит.

К концу лета приехал дедушка Оспангали. Рассказал, что Жангира чуть не посадили. Увезли в райцентр, но отпустили, помог зять Аман. Акбалжан вздохнула. Не желала мужу зла, что бы он ни сделал. Старик признался, что пришлось открыть, где она. Акбалжан прикусила губу. Сдержанно ответила, что, если Жангир хочет увидеть детей, пусть приезжает, а нет — его выбор. Она не вернётся.

Вечером за чаем разоткровенничалась с бабой Дусей, рассказала про мужа, корову.

— Да, деточка, время такое, — баба Дуся подула на горячий чай. — У меня тоже была семья. Наши предки крепостные. Как дали вольную, отправились в Сибирь, осели там.

Глаза бабы Дуси заблестели, она хлебнула чай и уронила кружку. Вскочила, начала трясти подол.

— Обожглась? — Акбалжан схватила тряпку.

— Да нет, — баба Дуся подвернула платье с мокрым пятном и всхлипнула. — Как пришла советская власть, один сынок ушёл с войском Колчака, второй — в Красную армию попал. Оба сгинули. А мужа моего убили, не давал дом поджечь.

Акбалжан сочувственно покачала головой. Они немного помолчали.

— Вот мы, три бабы собрались — и сюда, на Урал, — продолжила баба Дуся. — Доехала я одна. Кого здесь только нет. Русские, украинцы, казахи, башкиры, чувашаи... Кто от красных пострадал, кто от белых, не разберёшь. Поэтому лишних

¹ Чилига — кустарник, разновидность акации.

вопросов никто не задаёт. Но, смотри, держи язык за зубами. Мне сказала, душу облегчила, больше никому. Хотя в каком народе есть люди чистые, а есть сволочи.

Ночью Акбалжан лежала возле детей, слушая их дыхание. Рассматривала в свете луны маленькие фигурки. Куантай разлётся широко, закинув одну руку на сестру. Райса спала, свернувшись. Как же они подросли! У дочки волосы уже до пояса достают. Сынок вытянулся, ножки стали длинными.

Дни бежали легко, как колеса телеги Оспангали. Урал обмелел. Густая листва деревьев вдоль реки запестрела, словно разноцветная корпешка¹. Стало зябко, особенно по утрам. Женщины готовились к зиме. Натаскали дрова, запасли ягоды, насолители хрустящую капустку, спустили в погреб картофель. Для заварки засушили ароматную матрёшку².

В сентябре случилась неожиданная радость. Ферма перевыполнила план — урожай собрали богатый, поголовье скота выросло. Лучшим работникам выдали премии. Акбалжан достался телёнок. Хилый, безнадёжный, родился не ко времени.

Телёнка принесли в избу и устроили на соломенной подстилке. Поначалу он только лежал. Ему протягивали ладонь, и он начинал сосать пальцы, громко причмокивая. Опускали его морду в ведро с разведённым водой молоком, которое баба Дуся выменяла на картошку. Так и научился пить.

Дети гладили телёнка, обнимали за шею, хохотали, когда он мотал головой. Вскорости выяснилось, что это тёлочка. Коричневого цвета, со светлым узором на мордочке, похожим на улыбку. К удаче, как сказала баба Дуся.

¹ Корпешка (каз. көрпе) — традиционный вид народного творчества у казахов; одеяла, покрывала, сшитые из разноцветных лоскутов и наполненные шерстью или другими материалами.

² Народное название душицы — травянистого растения с приятным ароматом и вкусом.

С появлением тёлки в доме стало теплее. Укладывая детей, Акбалжан рассказывала сказки. Какие-то слышала в детстве, другие — сочиняла сама.

«В одном маленьком ауле жила одинокая старуха. Была у неё чёрная корова. Днём она паслась в степи с другими коровами, а ночью спала со старухой в юрте. Однажды воры решили ночью увести корову. Но умная старушка перед сном посмотрела в дырочку в пологе и увидела, что юрту окружили восемь головорезов. Тогда она ударила камнем по казану и громко выкрикнула:

*Жатайық, жатайық
Қара сиырды матайық,
Ұры сегіз, біз тоғыз
Тірі қызыққа батайық!
(Ляжем-поляжем,
Окутаем чёрную корову.
Воров восемь, а нас девять,
Вот будет потеха!)*

Услышав, что в юрте аж девять человек, воры пустились наутёк и больше не появлялись».

На последних словах Райса смеялась, а Куантай уже давно уснул.

Глава 8

Кожабай

Зоотехника Кожабая прислали в Каратал из другого района — поднимать животноводство. Неженатый, приятный лицом, грамотный. Двадцать шесть лет, ровесник Акбалжан. Непохож на большинство колхозных мужиков — не матерится, с женщинами разговаривает уважительно. Доярки заигрывали с ним, гадая, кого же выберет? Незамужних в колхозе было много.

Заглядывалась на него и Жайнаш. Высокая, смуглая, похожая на своенравную кошку, которая никого не признаёт. Когда её муж умер от лихорадки, она стала жить с его молчаливым братом по прозвищу Момын¹. Жайнаш дружила с Рыжей Сонькой, молодой незамужней бабой. В посёлке ничего не утаишь: то с солдатами замечены, то с гостями из райкома. Но от Момына Жайнаш не уходила. Он был удобным, как старая кошма², безмолвно служащая хозяину. Убирал скот, сносил выходы Жайнаш, не обращал внимания на насмешки соседей. Слишком уж светлая была их дочь, не похожа ни на отца, ни на мать.

Акбалжан думала о своём, размазывая глину по стене базы. У детей обуви к зиме нет. Надо попросить соседского дедушку свалить валенки. Шерсть обещала дать бабка Маслиха.

Липкая глина быстро засыхала на пальцах, стягивая кожу. Акбалжан повернулась, чтобы взять новую горсть, и увидела скотника Артыка, толстого, с редкими волосами. Он стоял опершись на лопату и ухмылялся. Акбалжан нахмурилась: тьфу, глазееет так, что умыться хочется. Вечно рядом ошиивается, бездельник.

Она подошла к тазу, чтобы плеснуть в глину воду. Артык схватил её за запястье:

— Дай помогу!

— Уйди! — Акбалжан отвела его руку.

— Что строишь недотрогу? Ладно бы девчонкой была, а то с двумя детьми и туда же!

Она добавила воду, отошла. Шмякнула горсть глины о стену.

— А может, нравится меня раззадоривать? — поддел её Артык.

Акбалжан съёжилась, представляя его мерзкую ухмылку.

¹ Момын — человек настолько кроткий, что, согласно казахской поговорке, не возьмёт травинки изо рта овцы.

² Войлочный коврик из овечьей или верблюжьей шерсти.

— Отстань, сказала!

— Да? И что сделаешь?

— Не подходи! — она схватилась за вилы.

— Акбалжан! — к ним торопливо приближалась Саша, её новая подруга. Они жили рядом, работали в одном коровнике.

Артык, выругавшись, ушёл.

Подбежала запыхавшаяся Саша.

— Смотрю, опять он к тебе, что за дурак!

Акбалжан чистила пальцы от глины.

— Надо управляющему пожаловаться! Или Кожабаю. — Саша поглядела вслед Артыку, прищурившись.

— Ладно, давай работать. — Акбалжан скатала из глины шарик и приплюснула.

— А ты молодец, смелая!

— Да ну, какая я смелая...

Вечером Акбалжан вспоминала этот разговор, разжигая самовар. Закинула щепки. Задумалась. Полгода прошло, как они приехали в Каратал. Жангир так и не объявился. Заглянула в самовар: угли потухли. Взяла старый сапог, надела его на горлышко и стала накачивать воздух, чтобы раздуть огонь. Незаметно мысли перетекли на Кожабая. Какой он всегда разумный! Что ни случится на базе: падёж скота, драка между скотниками, воровство, всё решает спокойно, уверенно. Прищурит глаза на секунду, что-нибудь да придумает. Вот же повезёт его жене! Тут же себя одёрнула: ей-то что об этом думать? Самовар запыхтел, щёки налились жаром, как угольки.

Утром перед выходом посмотрелась в зеркальце. Поправила застиранный платок, пригладила платье со штопанными локтями, выпрямила плечи. Главное — не выдать себя, не глядеть в его сторону. Что ж она так дрожит?

Так получалось, что они с Кожабаем всё чаще оказывались вместе. То помогали корове растелиться, то лечили телёнка, сломавшего ногу в яме. Однажды нечаянно соприкоснулись ладонями. Сердце тут же ухнуло вниз.

А он посмотрел на неё открыто, с мальчишеской улыбкой. Акбалжан быстро склонилась к ноге телёнка. Казалось, поднимет глаза, и он всё поймёт. Подумает, какая же она глупая...

Слава богу, Артык больше не приставал. Зато Жайнаш с Рыжей Сонькой не давали прохода.

— Приедут непонятно откуда. Где муж, от кого дети, неизвестно, — переговаривались они нарочито громко.

Акбалжан делала вид, что не слышит, но куда там! Однажды, когда терпение кончилось, выкрикнула запальчиво:

— Дети — мои! А где муж — не ваше дело!

Те переглянулись и фыркнули.

Глава 9

Разговор

— Эх, бабоньки, прозевали мы нашего красавца! — завела разговор Рыжая Сонька на утренней дойке. Первые струи молока зазвенели в пустые ведра. Акбалжан разминала тугое вымя первотёлки. Та нетерпеливо дёргала ногой.

— Стой, моя хорошая, — приговаривала Акбалжан. — Потерпи.

— Слыхали? — не выдержала молчания Сонька. — Кожабай-то наш на дочке председателя соседнего колхоза жениться собрался.

— С чего это ты взяла? — хмыкнула Жайнаш и заорала на корову: — Стой, скотина!

Сонька заговорила с ещё большим жаром:

— Говорят, ездит он туда постоянно. А у председателя дочь красавица, молодая, но для замужества доросла...

— Он туда к родне ездит, — прервала её Жайнаш. — Я узнавала.

— Ну и что! А для чего он потом к председателю в гости ходит? Непонятно? Невестушка там! Так что...

Акбалжан никак не могла раздоить жёсткое вымя. Обычно это выходило легко. Ей поручали первотёлок. Но сегодня выдавилось только несколько капель. Корова хлестала её длинным хвостом, пыталась пнуть, увернуться.

Вытащив из кармана тряпку, Акбалжан привязала хвост к ноге коровы. Сжала вокруг коровьих сосков кулаки, начала ритмично сжимать. Пошли резкие струи. Раздутое вымя постепенно размякло, и молоко можно было сцеживать пальцами сверху донизу.

— Не расстраивайся, это ещё ничего не значит, — шепнула Саша.

— Мне какое дело? — сказала Акбалжан и прикусила губу: неужели так заметно?

Вошёл Кожабай. Поздоровался.

— Посмотри, у этой коровы совсем глаз закрылся. Промыть надо! — подозвала его Жайнаш.

— Да-а, — протянул он, осмотрев бурёнку. — Сейчас промоем.

Принёс тёмный бутылёк.

— Я буду держать, а ты лей на глаз.

Кожабай ухватился за рога. Жайнаш застыла, глядя на него, потом вздохнула.

— Такой мужчина хоть кого усмирит!

— Стой, милая моя, — приговаривала она певуче, промывая покрасневший коровий глаз.

— Кожабай, а нас на свадьбу позовёте? — влезла Рыжая Сонька.

— На какую свадьбу? — прищурился он.

— Так всё село шумит, что вы на дочке соседнего председателя женитесь.

— Дура, — процедила Жайнаш. — Вечно лезешь куда не надо.

Кожабай засмеялся. Оглядел базу.

— Как надой сегодня?

— У меня-то нормально, — пожала плечами Сонька. — А вот Акбалжан, пока я двух подоила, под одной сидит. И чего управляющий вечно её хвалит?

Кожабай подошёл к Акбалжан:

— Тяжело?

— Ничего, раздоила. — Она уже вытирала вымя следующей корове.

Он погладил бурёнку по спине.

— Разговор к тебе есть, — негромко сказал по-казахски. — Подоишь и выходи, я на улице подожду.

Акбалжан чуть не опрокинула ведро, которое удерживала коленями. Выдоив последние капли, утонувшие в пышной пене, встала. Погладила корову там, где держал руку Кожабай, и тут же отдёрнула. Зачем он её зовёт?

Когда шла к выходу, казалось, бабы съедят её взглядами.

Глава 10

Переезд

Кожабай стоял у засохшего карагача, держа в руках фуражку. Увидев Акбалжан, надел фуражку, распрямил плечи:

— Я хочу жениться.

— Будьте счастливы.

Она смотрела себе под ноги. Зачем он ей это говорит?

— А на ком, не интересно?

— Откуда мне знать?

— На самой красивой...

У неё кольнуло в груди. Да что же он издевается! Пусть женится на ком хочет, ей какое дело? Посмотрела ему в глаза, впервые за это утро. Сегодня они какие-то другие...

— Пойдёшь за меня замуж?

Она закашлялась от неожиданности и прислонилась спиной к дереву. Выдохнула полужёпотом:

— А что люди скажут?

— Пусть болтают. О детях позабочусь, не беспокойся.

Ну что, пойдёшь?

Акбалжан потерявила кончик косы.

— Ты ведь не знаешь... Я ушла от мужа, но вдруг он приедет?

— А сама этого хочешь?

— Нет.

— Тогда остальное неважно.

— Хорошо, — прошептала она.

Он взял её за руку:

— Вечером приду за вами!

— Сегодня?!

— Раз решили, чего откладывать?

Домой пришла быстро. Зачерпнула из ведра воды, выпила. Присела на стул. Вскочила.

— Ты что-то сама не своя, — взглянула исподлобья баба Дуся, чистя картошку. — Случилось что?

— Ой... Замуж позвали, — выпалила Акбалжан и опустилась на лавку рядом.

Баба Дуся выронила картофелину.

— За кого это? Как так, я ничего не знаю!

— Прости! Сама не знала. Кожабай, зоотехник наш.

— Ах ты, господи! — баба Дуся отложила нож и вытерла о подол руки. — Ну, милая моя, в добрый час! Говорят, парень хороший.

Акбалжан улыбнулась, пошла собирать вещи. Баба Дуся постояла, опершись о косяк, всхлипнула:

— Только меня не забывайте! Приходите чаю попить. Детишек присылай, буду присматривать.

— Конечно, ты же нам как родная!

Вещи уместились в одном узелке. Сычиха побежала к деревянному сундуку, стоявшему в углу комнаты. Вытащила расшитую узорами белую скатерть. Развернула — не погрызла ли ткань моль — и протянула:

— Возьми. Давно её вышивала. Всю жизнь о дочерях мечтала, потом о внуках... Не довелось. А ты мне дочкой стала.

Акбалжан прижалась к бабе Дусе. Глянула на свой узелок и зажмурила глаза: а если он не придёт? Мало ли, пошутил, может.

Скрипнула дверь. Вошёл Кожабай. Поздоровался с бабой Дусей. Погладил по голове Райсу. Взял на руки годовалого Куантая. Тот потрогал незнакомца за гладко выбритое лицо и глянул на мать, будто спрашивая: можно?

Присели на дорожку. Акбалжан поклонилась бабе Дусе. Женщины обнялись.

— Благословляю, живите дружно.

Вышли из дома. Тёлочку повели за собой на верёвке. Баба Дуся назвала её смешным для здешних именем Августина. Потому что в августе родилась.

Акбалжан с трудом выговаривала эту кличку:

— Идём, Агустин!

— Куда мы, мама? — спросила Райса.

— Недалеко. Будешь сюда приходить...

Глава 11

Счастье

Кожабай жил один, в домике в центре села, рядом с управляющим. В просторной комнате стояли аккуратно заправленная кровать, стол, табуретка и чемодан, с которым он приехал.

— Вот моё скромное жилище, — развёл Кожабай руками. — У меня и посуды толком нет. Если что надо — скажи, раздобудем.

Позже зашла одна соседка, другая. Кто занёс чашку, кто корпешки. Потихоньку обустроились. Когда Кожабай ушёл проверить колхозных коров, пришла Жайнаш, держа

накрытый кувшин. С вызовом посмотрела на хозяйку дома, огляделась. Акбалжан стирала вещи в тазу.

— Что ж, даже чаю попить не позовёшь? — усмехнулась гостья. — Я молоко принесла. Кожабай любит парное.

— От твоего молока живот заболит, — отрезала Акбалжан, не отрываясь от своего занятия.

Жайнаш развернулась, оставила кувшин у порога и вышла. Куантай побежал к посудине, но мать успела перехватить. Хотела выплеснуть молоко на землю, да рука не поднялась. Отнесла кувшин к забору соседки.

Ночью Акбалжан долго не могла уснуть. Муж давно спал, а она вдыхала его запах. Осторожно гладила по волосам. Боялась, что проснётся утром и всё окажется сном. Он просыпался, обнимал её, и она успокаивалась. С утренним светом дурные мысли казались смешными.

Кожабай носил на плечах Куантая. Для Райсы сделал деревянную куклу.

— Позже научу вас читать, — пообещал.

Справил всем документы, записал жену и детей на свою фамилию. С Жангиром Акбалжан была не зарегистрирована, не до бумажек было.

Вскоре она почувствовала, что беременна. Кожабай, услышав новость, стал ещё бережнее. Не разрешал много работать, поднимать тяжёлое.

— Да что ты, я ж не больная, — говорила она. — Не заметила, как выносила первых.

Близился Новый год. Акбалжан впервые отмечала этот праздник. Муж накануне съездил в райцентр, привёз подарки. Жене — нежную голубую ткань на платье и серебристое колечко в форме крупной капли на тонком ободке. Детям — валенки и сладкие леденцы на палочках. Акбалжан, привыкшая к тёмной грубой одежде, приложила к груди струящийся мягкий атлас и загляделась на себя в зеркало. Кожабай не отрываясь смотрел на неё. Дети радостно бегали вокруг, путаясь в ткани. Про бабу Дусю тоже не забыли.

Позвали к себе и вручили ситцевый платок. Сычиха смахнула слезу.

На стол поставили горячую, еще дымящуюся варёную картошку, блестящие солёные грибы и квашеную капусту, что принесла баба Дуся. Разлили чай по жестяным кружкам. Так и встретили 1941 год.

Глава 12

Прерванная весна

В середине апреля тюльпаны выбросили из земли широкие листья, а масло стало жёлтым, оттого что скот вдоволь наедался свежей травы. В один из дней резко похолодало. С потемневшего неба вперемешку с косым дождём посыпались белые хлопья, как мука из мешка щедрой хозяйки. К вечеру снег стал сухим, колючим и пошёл плотной стеной. Пурга накрыла Каратал.

Пока Акбалжан мыла посуду, Кожабай взялся вырезать для детей свистульки. За окном завывала метель.

— *Бесқонақ*¹, — проговорил он.

— Что такое *бесқонақ*? — с любопытством спросила Райса.

— А вы не слышали? — Кожабай прищурил один глаз, примеряя, где сделать отверстие в деревянной заготовке. — Однажды в апреле пятеро путников возвращались из дальнего аула, где гостили у сватов. Оделись легко, с утра было тепло. Но тут начался сильный буран. Дорогу замело. Они так и не добрались до дома. В это время лучше не выезжать далеко.

¹ Бесқонақ (каз. «пять костей») — резкая смена погоды после наступления весеннего тепла в середине апреля. С этим природным явлением связано несколько легенд, которые в каждой местности рассказывают на свой лад.